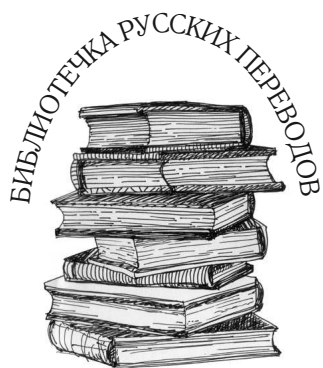

БЕРНАРДЕН ДЕ-СЕН-ПЬЕР

**ПОЛЬ
И
ВИРГИНИЯ**

**ИНДИЙСКАЯ
ХИЖИНА**

А С А Д Е М И А
Москва—Ленинград
1937

Жак Анри
Бернарден де Сен-Пьер

Поль и Виргиния
∞∞
Индийская хижина

RUGRAM

УДК 821.133.1

ББК 84(4)

Б51

Текст печатается по изданию:

Бернарден де Сен-Пьер, Жак Анри.

Поль и Виргиния. Индийская хижина. — Москва ; Ленинград : Academia, 1937. — 237, 2 с.

Бернарден де Сен-Пьер, Жак Анри

Б51 Поль и Виргиния : роман; Индийская хижина : повесть. / Жак Анри Бернарден де Сен-Пьер; [пер. с франц.] — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 224 с. — (Библиотечка русских переводов).

ISBN 978-5-517-09819-1

В настоящем издании представлены наиболее известные произведения французского писателя Бернардена де Сен-Пьера (1737—1814). Роман «Поль и Виргиния» (1787) — идиллия, повествующая о счастье жить по законам «природы и добродетели». Две женщины волею судеб (обедневшая вдова и бывшая любовница) воспитывают сына и дочь. С ними вместе негритянская пара. Дети растут вместе, взрослеют, переживают приключения, занимаются сельским хозяйством. И всё это на фоне экзотической природы и сказочных пейзажей.

В сатирико-философской повести «Индийская хижина» (1791) представителям учёной схоластики и религиозной нетерпимости противопоставлен мудрый и добродетельный «пария» (отверженный).

Иллюстрации Тони Жоанно, Мейссонье, Гюэ, Изабэ и др.

BIC FC

BISAC FIC000000

© Подготовка текста,
Издатель Иванов В.Ю., 2023.

© RUGRAM, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN978-5-517-09819-1

Поль и Виргиния

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В этом маленьком сочинении я ставил себе большие цели. Я попытался нарисовать в нем почву и растительность, не похожие на те, какие есть в Европе. Поэты наши достаточно долго усаживали влюбленных своих на берега ручьев, на луга и под листву буков. Мне захотелось дать им место на берегу моря, у подножья скал, в тени кокосов, бананов и цветущих лимонных деревьев. Другой части света недостает лишь Феокритов и Вергилиев, дабы у нас были картины, по меньшей мере столь же привлекательные, как и изображения наших стран. Мне ведомо, что путешественники, отмеченные вкусом, оставили восторженные описания некоторых островов южного океана; однако нравы туземцев, а еще пуще — наезжающих туда европейцев, часто портят там пейзаж. Мне же захотелось связать красоту тропической природы с нравственной красотой маленького общества. Я поставил также себе задачей сделать наглядными несколько великих истин, и в том числе следующую: счастье наше состоит в том, чтобы жить в согласии с природою и добродетелью. Однако мне отнюдь не пришлось прибегать к сочинительству, дабы изобразить счастливую семью. Смею уверить, что люди, о коих далее идет речь, действительно существовали и что история их подлинна в основных своих происшествиях. Это было засвидетельствовано рядом лиц, которых мне довелось знать на Иль-де-Франсе. От себя я привнес лишь кое-какие маловажные обстоятельства; однако и они, поскольку я лично испытал их, опять-таки действи-

тельны. Когда несколько лет назад я сделал весьма несовершенный набросок этой, можно сказать, пасторали, я обратился к одной прекрасной даме, вращавшейся в высшем свете, равно как к нескольким серьезным людям, живущим поодаль от него, с просьбой прослушать мое чтение, дабы я мог принять в расчет впечатление, вызываемое моим произведением у слушателей столь разного склада, — мне было дано удовольствие видеть, как все они проливали слезы. Это было единственным суждением, какое я извлек, но это было также и все, о чем мне хотелось знать. Однако часто бывает, что большой порок тянется следом за малым дарованием; так и мне этот успех внушил тщеславную мысль — дать моему сочиненью заглавие: «Картина природы». По счастью, я вспомнил, насколько чужда мне самая природа тех мест, где я родился; насколько богата она, многообразна, приятна, великолепна, таинственна в тех странах, где ее проявления я видел лишь в качестве путешественника, и насколько недостает мне проницательности, вкуса и писательской выразительности, чтобы познать ее и воспроизвести. Это вернуло меня в естественные мои границы. Таким-то образом я включил этот слабый опыт в общий заголовок, своего рода продолжением моих «Этюдов о природе», которым публика оказала столь благожелательный прием:

мне хотелось, чтобы заглавие это, напоминающая читателям о слабости моего дарования, было вместе с тем постоянной памяткой об их ко мне снисходительности.

ПОЛЬ И ВИРГИНИЯ

На восточном склоне горы, поднимающейся за Портом Людовика, что на Острове Франции [Иль-де-Франс, ныне остров св. Маврикия. Дословный перевод позволяет сохранить экзотический, яркий своей конкретностью характер, который присущ всем остальным названиям: «Пик Открытия», «Мыс Несчастья», «Участок Больших Апельсинов», «Порт Людовика», «Остров Франции» и т. д. Примеч.], видны на урочище, некогда обработанном, развалины двух маленьких хижин. Они расположены почти на середине котловины, образуемой большими скалами и имеющей лишь один выход, обращенный на север. Слева видна гора, именуемая Пиком Открытия, откуда сигнализируют кораблям, пристающим к острову, а у подножия этой горы — город, называемый Портом Людовика; справа — дорога, ведущая от Порта Людовика к Участку Больших Апельсинов; затем — церковь, носящая то же прозвище и высящаяся с ведущими к ней бамбуковыми аллеями посреди равнины; а далее — лес, простирающийся до пределов острова. Перед собой, на берегу моря, видим Бухту Могилы, немного правее — Мыс Несчастья, а за ним — открытое море, где кажутся водяными цветами несколько необитаемых островков, и среди них — Угол Прицела, похожий на бастион среди волн.

У входа в котловину, откуда видно все это, горное эхо беспрестанно вторит шуму ветров, волнующих соседние леса, и плеску волн, разбивающихся вдали о скалы; но близ самых хижин не слышно никакого шума и не видно ничего, кроме больших утесов, отлогих, как стены. Купы деревьев растут у их подошвы, в их расселинах и даже на вершинах, куда пристают облака. Дожди, привлеченные их пиками, часто разрисовывают цветами радуги зеленые и бурые склоны и питают у их подножия источники, из которых образуется небольшая речка Латаний. Великая тишина царит в их окрестности, где все исполнено мира: воздух, воды и свет. Лишь эхо чуть вторит там шелесту пальм, растущих по пологим возвышенностям и всегда качающих по ветру длинные стрелы свои. Нежный свет озаряет глубь этой котловины, где солнце сияет лишь в полдень; но уже с зарей лучи его ударяют по хребту, и вершины его, подымаясь над тенями горы, кажутся золотыми и пурпурными на лазури небес.

Я любил посещать это место, где можно наслаждаться одновременно и необъятным видом и глубоким уединением. Однажды, когда я сидел близ этих хижин и созерцал развалины их, какой-то человек, уже старый, проходил неподалеку. Он был одет, по обычаю коренных жителей страны, в короткую блузу и длинные панталоны. Он шел босиком и опирался на палку из черного дерева. Волосы его были совершенно белы, а лицо — благородно и просто. Я почтительно поклонился ему. Он ответил на мой поклон и, на мгновение окинув меня взглядом, приблизился ко мне и опустился на пригорок, где я сидел. Побуждаемый этим знаком доверия, я заговорил с ним. «Отец мой, — сказал я ему, — не можете ли вы сообщить мне, кому принадле-